12.08.92

ВИЛЬНЮС

Лит. газета. — 1992. — 12 авг. (№ 33) — с. 1

Пушкин снова в опале

Не потому ли, что раздружился с Мицкевичем?

В нескольких газетах, по радио и ТВ прошло сообщение о том, что в центре Вильнюса демонтирован памятник Пушкину. «Дезинформация», — немедленно заявили другие органы печати. Оба сообщения были и правдой, и неправдой одновременно...

К переносу памятника Пушкину готовились долго, года четыре. То тут, то там появлялись статьи о бюсте Александра Сергеевича, стоящем в Серейкишском парке в центре Вильнюса. И место, мол, неподходящее — «у подножия горы Гедиминаса, в тени деревьев, — не слишком достойное памятника поэту с мировым именем», и «эмоциональная ценность теряется». К тому же «великий гений русского народа не всегда восславлял свободу» и не мог по этой причине «найти общий язык с великим гением литовского и польского народов Адамом Мицкевичем», отчего дружба с последним распалась.

К тому же пушкинский бюст в конце прошлого века был возведен в центре города, неподалеку от помпезных памятников Муравьеву-вешателю и Екатерине II, и такое соседство не случайно. Мол, вовсе не столетний юбилей Александра Сергеевича хотели почтить, а открыто «наслаждались ошибкой поэта, прославившего в стихотворении «Клеветникам России» шовинизм душителей восстания 1831 года». Вот так-то.

А главное: «необоснованно поставленный в исторической части города» памятник А. С. Пушкину уже тогда, очевидно, мешал будущему мемориалу основателя города великого литовского князя Гедиминаса.

Были, правда, и другие мнения. Не по-христиански, мол, с места на место переносить ни памятники, ни могилы. А уж коли нужда приспела непременно Гедиминасу стоять под горой его имени, то ведь совсем неподалеку от Серейкишского парка и тоже в центре Старого города есть не менее замечательное пушкинское место — Пятницкая церковь, где в 1707 году Петр I крестил его «черного деда» Ганнибала. Почти два века спустя здесь же сын поэта Григорий Александрович венчался с виленчанкой Варварой Алексеевной Мельниковой.

Но городские власти оказались непреклонны. Архитектурный конкурс на проект памятника Гедиминасу еще не был закончен, а опального Пушкина уже депортировали. И вовсе не к Пятницкой церкви, как предлагали вильнюсские старожилы, деятели литовской культуры, несколько русских обществ, а также архиепископ Виленский и Литовский Хризостом. Выслали Пушкина из центра города в его предместье. С глаз, как говорится, долой — из сердца вон.

Место очередной пушкинской ссылки — имение Маркучяй, — конечно, не случайное. Это свадебное приданое Варвары Мельниковой-Пушкиной. Здесь бережно сохранились многие ценные пушкинские книги и вещи: как-никак Григорий Александрович был основным распорядителем отцовского наследства. И памятник там выигрышнее смотрится, если честно сказать. И весь этот четырехлетний спор можно было бы постараться забыть, когда бы не два курьеза.

Во-первых, внушительных размеров бюст Александра Сергеевича встретили в Маркучяй... два других таких же, не менее внушительных, установленных гораздо ранее метрах в двадцати друг от друга.

А во-вторых, несколькими днями позже и позорного переноса, и горького пушкинского дня рождения, несмотря ни на что, отмеченного многими вильнюсцами, в Литве состоялись шумные торжества по случаю 180-летия наполеоновского «прохода» — на Москву и обратно. Правда, вспоминали только про «туда». Даже мемориальную доску в Каунасском монастыре кармелиток установили: «Здесь останавливался великий...»

А Пушкин-то нигде не останавливался — это факт. Да и с Мицкевичем дружить не умел. Сам, словом, виноват.

Татьяна ЯСИНСКАЯ,
соб. корр. «ЛГ»

Пушкина С.